

© 1994 г. Т.А. МИХАЙЛОВА

"КРАСНЫЙ" В ИРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

Говоря об особенностях системы цветообозначений в кельтских языках, принято называть в первую очередь группу прилагательных, обозначающих разные оттенки сине-зеленой гаммы, которая действительно не имеет прямых аналогов в других сопоставимых индоевропейских языках. Удивительный факт, что одни и те же основы (валл. *gwyrdd, glas*, ирл. *gorm, glas, uaine*, шотл. *gorm, glas, uaine*, мэнск. *gorrym, glass, geayney*) могут одновременно обозначать синий, зеленый и даже серый цвета (на подобное несовпадение разных языковых моделей указывал еще Л. Ельмслев [1, с. 311]) действительно заслуживает пристального исследовательского внимания. Однако, с нашей точки зрения, не меньший интерес должна вызывать группа кельтских основ, обозначающих красные тона, причем взятая не столько в синхронном срезе (что подразумевает сухие данные работы с современными информантами, как правило, двуязычными), а в диахронии, с учетом самых ранних фиксаций соответствующих лексем и развития их значений. Эта проблема в целом представляется нам достойной специального "масштабного" исследования; поэтому в рамках настоящей статьи мы ограничимся в первую очередь лишь фактами ирландского языка и попытаемся на его примере сделать предварительные выводы, касающиеся развития системы цветообозначений как языковой универсалии в целом.

О цветообозначениях написано очень много, и это вполне естественно: эта одна из интереснейших областей языкознания, далеко выходящая за рамки непосредственно этой науки и тесно соприкасающаяся с такими областями, как психология, физиология зрения, физика и даже социология и философия. Более того, являясь, наверное, наименее упорядоченной из всех лексико-семантических групп, система цветообозначений варьирует необычайно широко не только на уровне отдельных языков, но и на уровне идеолектов, что ведет к постоянным "коммуникативным неудачам" (ср. русск. *коричневая юбка* – *сиреневая юбка* [2]). Правомочность самого понятия "система" применительно к этой лексической группе также может быть поставлена под сомнение, поскольку она не обладает "достаточно высокой степенью внутренней организации" [3, с. 19].

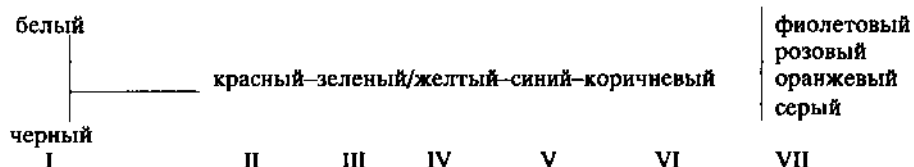
Добавим к этому странную особенность цветового образа смещаться в человеческой памяти в ту или иную сторону по воображаемой линии спектра, что делает дальнейшее цветообозначение того или иного объекта в значительной степени расходящимся с его истинным цветом, если истинным мы будем условно называть соответствие того или иного имени цвета (ИЦ) той или иной длине цветовой волны. Ясно, что порог цветового перехода в данном случае крайне условен. Большую роль здесь играет и традиция, так как, например, "цвет лаванды" традиционно считается одним из оттенков синего, тогда как на самом деле он входит в гамму фиолетового. Возьмем пример, еще более яркий и уже непосредственно касающийся предмета нашего исследования: практически во всех языках огонь называется красным, тогда как естественное горение древесины дает пламя ярко-оранжевого цвета (длина волны примерно 590–600 нмк, при том, что абстрактный красный – 660–670 нмк) [4, с. 29].

Цветовой ряд представляет собой континуум, реальность которого, аналогично реальности времени, является лишь кажущейся. Как отмечал еще Э. Гуссерль, "этот континуум есть двойственное непрерывное многообразие" [5, с. 7]. И поэтому "ощущаемое красное есть феноменологическое данное, которое, когда оно одушевлено определенной функцией схватывания, представляет объективное качество; оно само не есть качество. Качество в собственном смысле, т.е. свойство являющейся вещи, не есть ощущаемое, но воспринимаемое красное. Ощущаемое красное есть красное только в эквивокации, поскольку красное есть имя реального качества...

Ощущаемое красное лишь посредством схватывания приобретает значение момента, который представляет качество вещи; взятое само по себе оно ничего такого в себе не содержит" [5, с. 8].

Сложности, связанные с восприятием и формированием системы цветообозначений в любом языке, вполне понятны. В одной из многочисленных работ по психологии восприятия цвета отмечается: "Поскольку сама система языка включает в себя отнюдь не безграничное число элементов, становится очевидным, что континуум, существующий в природе, оказывается сегментированным в языке. Понятно, что задача расчленения (категоризации) действительности может быть решена по-разному в зависимости от того, каким множеством языковых средств обладает данный язык" [6, с. 58]. Однако, как известно, каким бы "множеством языковых средств" ни обладал язык, число цветов и оттенков, которые может воспринять глазом любой индивид, всегда будет в несколько десятков тысяч раз больше числа цветообозначений, которыми он располагает. Именно этим, видимо, объясняется изобилие специфицирующих цветообозначений (как правило, распространенных в зоне одежды), которые или совсем не знакомы широкому носителю языка, или являются для него своего рода "агнонимами"¹: например – шартрез, электрик, нанковый, грибной, опаловый, прюн, сомо и проч., значения которых в принципе должны перекрываться суммой значений абстрактных, или базовых, цветов.

Все сказанное находится в странном противоречии с тем фактом, что в любом развитом языке существует ограниченное число базовых цветообозначений (обычно – 11, в русском – 12), перекрывающих все воспринимаемые глазом оттенки цвета. Более того, порядок появления данных базовых ИЦ в любом языке тоже оказывается своего рода универсалией. А именно:

Приведенная нами схема взята из книги Б. Берлина и П. Кея "Базовая цветовая терминология" [7], в которой данный "закон" был впервые четко сформулирован и подтвержден данными 98 языков разных семей. Причем надо отметить, что привлечение новых языковых данных лишь подтверждает теорию Берлина и Кея. Так, догоны, знающие лишь три цветообозначения и находящиеся, таким образом, лишь на второй стадии развития цветовой терминологии, даже говоря по-французски, склонны обозначать словом *rouge* почти все хроматические цвета, по крайней мере – приближающиеся к красному тону (из устного сообщения В. Плунгяна). В языке же шелта, языке ирландских цыган, цветообозначения вообще практически отсутствуют; единственные цветоразличители, употребляющиеся в нем, это обозначения масти лошадей и цвета волос, причем все они являются поздними заимствованиями из ирландского, восходящими к соответствующим основам со значениями 'черный',

¹ В данном случае мы пользуемся термином, введенным в научный обиход А. Морковкиной.

'белый' и 'красный'. Подтверждением теории Берлина и Кея может, видимо, служить и то особое символическое значение, которое эти три цвета имеют практически во всех мифологических системах [8].

Действительно, если для подтверждения теории Берлина и Кея мы обратимся к данным психологии, а именно – к развитию системы цветовосприятия у детей на ранней стадии развития, мы увидим, что новорожденный сначала учится отличать "темное" от "светлого", а затем уже начинает воспринимать красный цвет и т.д. [9].

Но так ли универсальна данная схема в том, что касается последующих стадий развития цветовой терминологии? Не является ли, например, специфическое для русского языка понятие "голубой" отступлением от нее? Нельзя ли найти подобные отступления и в других языках? Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что "В психике рядового носителя языка существует наивная картина мира цвета, которая фиксируется посредством языка, хотя ни процесс фиксации, ни возникающие при этом связи и отношения самим говорящим не осознаются" [3, с. 32]. Но не осознаются они говорящим именно по той причине, что они уже твердо закреплены в языке, носителем которого он является, и "наивная картина мира цвета" оказывается таким образом одним из элементов наивной картины мира в целом, проявляющейся через язык. Разве можно при этом ждать строгой идентичности цветовых картин разных, не контактирующих между собой и находящихся на разных стадиях развития народов? К тому же, как известно, психологические особенности личности проявляются, в частности, в предпочтении того или иного цвета или сочетания цветов, на чем основываются многочисленные так называемые "хроматические тесты". Но не вправе ли мы в таком случае ожидать подобных же константных, или переменных, склонностей и у нации в целом, что воплощается в системе цветообозначений, если она действительно "опирается на нейро-физиологические особенности" [10]? Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, обратимся после нашего затянувшегося, но необходимого, предисловия к данным ирландского языка.

Сопоставление данных гойдельских и бриттских языков заставляет предположить, что общекельтский язык, если продолжать следовать "закону" Берлина и Кея, находился на III стадии развития системы базовых цветообозначений. Действительно, в них можно найти только четыре общих основы, соответствующие четырем начальным базовым цветам, а именно: ср. др-ирл. *dub* и др-валл. *du* 'черный', др-ирл. *find* и др-валл. *gwynn* 'белый', др-ирл. *ruad* и др-валл. *rhudd* 'красный' и, наконец, общую основу *glas*, обозначающую, видимо, одновременно 'синий' и 'зеленый'.

Однако, с нашей точки зрения, при этом следует также принять во внимание общекельтскую основу, обозначающую группу разных оттенков серо-бурого тона: ср. др-ирл. *liath* и ср-валл. *llwyd* (и.-е. **pel-* 'серый, бледный'), которая должна по Берлину и Кею, соответствовать только VII стадии! Правда, верная их теория, Х.Э. Лазар-Мейн отмечает, что "поскольку это слово редко употребляется вне сферы описания внешности и обозначения цвета волос, у нас нет достаточных оснований, чтобы рассматривать его уже в древнеирландский период как базовый термин" [11, с. 229]. Но почему же в таком случае ею признается базовым общий для обоих языков термин, обозначающий красный цвет, при том, что он на современном этапе, как правило, употребляется лишь для обозначения цвета волос, бороды и масти животных, а как абстрактное понятие был вытеснен др-ирл. *derg* (о нем – ниже) и валл. *coch* (из лат. *coccus*)? Не потому ли, что в таком случае общекельтский следовало бы признать не ушедшим дальше первой стадии, т.е. стадия разграничения "светлого" и "темного"? (Ирл. *find*, кстати, сейчас уже не является базовым ИЦ в отличие от валл. *gwynn* и в этой функции полностью вытеснено прилагательным *bán* < и.-е. **bha-* 'сиять, сверкать, светиться'.) Какое же цветообозначение, по Берлину и Кею, мы в таком случае действительно можем считать базовым?

В книге Берлина и Кея приводятся восемь критериев, согласно которым то или

иное цветообозначение может (или — не может) быть признано базовым², но пользоваться ими, с нашей точки зрения, можно, лишь исходя из определенной идеальной модели сегментации цветового континуума, которая окончательно сформировалась в европейской культуре лишь в Новое время. Обращаясь к более ранним эпохам метаязыкового развития, мы должны, как нам кажется, понимать, что мы можем иметь дело с несколько иной системой лексикологических категорий, отчасти смешивающей родовые и видовые понятия (ср. знаменитый пример о понятии "снег" у эскимосов, а также индоевропейские концепты *дикое* и *домашнее*, согласно которым человек объединяется с лошадью и коровой в одну группу). Действительно, возвращаясь к проблеме цветов и красного цвета — в частности, если сейчас для нас в современном русском языке *красный* является, бесспорно базовым ИЦ, то мы не можем уже с такой уверенностью говорить, что в той же степени "базовыми" были и рефлексy общеславянской основы **červ-*, вытесненные *красным* лишь к XVII в. Как отмечает Н.Б. Бахилина, «Нам кажется более верным полагать, что *червленый*, особенно в эпоху ранних памятников, обозначает лишь один из оттенков красного цвета ... Оно еще настолько связано с красителем, что не может стать абстрактным цветообозначением типа позднего *красный*» [13, с. 141]. Но, как пишет она же, "следует сделать вывод, что общеиндоевропейский корень **rudh-* в русском языке как название собственно красного цвета не сохранился. Мы имеем основание полагать что в древности прилагательное *рудой* обозначало какие-то оттенки красного цвета, определяя предметы (или вещи) с природной неяркой красноватой окраской" [12, с. 113]. Какое же ИЦ было в таком случае базовым для русского языка до XVII в., когда прилагательное *красный* "... завоевывает все новые позиции и становится главным, основным в группе красного, становится абстрактным цветообозначением для этого цвета" [13, с. 80]? *Багряный*? *Алый*? *Пурпурный*?

Но обратимся к данным ирландского языка. Начиная с самых ранних фиксаций до начала новоирландского периода, когда язык оказался под сильным влиянием английского, в ирландском был отмечен целый ряд основ, обозначающих красные тона. В своем этимологическом словаре Ж. Вандриес [13] выделяет пять таких основ (*ruad, derg, corcra, flann, bás*), к которым мы добавили бы также прилагательное *scarlóit* относительно позднего происхождения. Русских эквивалентов данных основ мы пока не даем намеренно.

Одной из наиболее частотных основ, обозначающих красные тона, является основа *ruad(h)* (совр. *rua*), восходящая к и-е. **rued-/roud-*, которая имеет рефлексy во многих современных и древних языках (ср. др.-инд. *rudhīras* 'красный', лат. *rufus* 'тж.', готск. *raufs* 'тж.', литовск. *raudas* 'тж.', англ. *red*, нем. *rot* и т.д., а также русск. *рыжий, русый, руда* и пр.).

Другим словом, обозначающим красные тона, является прилагательное *derg* (совр. *dearg*), восходящее к и-е. **dher-* 'грязный, замаранный, мутный, темный', откуда ср.-верх.-нем. *terken* 'пачкать', англ. *dark* 'темный', литовск. *dargus* 'мерзкий, гнусный' и, в частности, гойдельское же *dorcha* 'темный'. Впервые данная основа встречается в огамической надписи, датированной серединой VI в., в составе сложного имени *DERCMASOC* (ср. поздние формы *Dergmosach, Deargmhossach*). Однако, у нас нет оснований утверждать, что в данном случае эта основа уже имела значение 'красный'. Возможно, здесь она употребляется еще в своем исконном значении, и имя в целом может быть переведено буквально не как "красно-грязный" (ср. др.-ирл. *mossach* 'грязный, мерзкий', а как 'омерзительно грязный' (возможно, происхождение данного имени, призванного обеспечить его владельцу приятную наружность, связано с наличием определенного табу [14, с. 145]).

² Им идеально удовлетворяет русское *бежевый*, хотя это и иностранное заимствование. Но в таком случае, и слова *фиолетовый* и *оранжевый* в русском языке не могут быть признаны базовыми цветообозначениями.

В эпических текстах данное прилагательное уже широко употребляется как цветообозначение, а также получает ряд переносных значений типа 'яростный, гневный, храбрый' и пр., выходящих за рамки нашего исследования. Для современных носителей гойдельских языков продолжения этой основы воспринимаются как абстрактные ИЦ (ср. ирл. и шотл. *dearg* и мэнск. *jiarg* [11]).

Прилагательное *corcra* (*corcair*) было заимствовано из латыни, судя по форме, в ранний период ($p > c$). Сохранив свое исконное значение 'пурпурный', включившее в себя символизацию высшей власти, ирландское *corcra* со временем приобрело ряд других значений, о чем – ниже. Заимствованная также и бриттскими языками (ср. валл. *porffor*), эта основа употребляется в них гораздо реже и ее значение не выходит за рамки исконного латинского значения (ср. русск. *пурпурный*). Так, по данным Х.Э. Лазар-Мейн практически всеми информантами сиреневая (с точки зрения русских цветообозначений) двадцатифунтовая банкнота была охарактеризована как *purple* по-английски, но как *glas* (синяя) по-валлийски. Прилагательное *porffor* она нашла лишь в школьном учебнике для обозначения цвета королевской мантии [11].

Ирландское прилагательное *flann* оказывается малоупотребительным по сравнению с тремя предыдущими. Оно соотносится с ирландскими же названиями крови и сырого мяса (*fuil*, *feoil*), восходящим к и-е. основе **uel-* 'рвать, раздирать'. Слово употребляется, как правило, в лексической "зоне битвы": *Cath forderg fland* 'битва ярко-красная, кровавая' или *sruthana na fola flannruaidh a corpaibh na curadh* – 'потоки крови кроваво-красной из тел героев' (переводы цветообозначений в обоих случаях, естественно, условны). В современном ирландском языке *flann* воспринимается как архаизм и поэтизм, но сохранилось в шотландском в форме *flannach* (дано в словаре без каких бы то ни было помет как эквивалент англ. *red*, наряду с *dearg* и *ruadh*).

Лексема *basc* является еще менее употребительной и известна скорее из глоссариев [15]. Ж. Вандриес соотносит ее с и-е. **bhasi-* "плод и напиток красного цвета" [13]. В современных гойдельских языках слово не сохранилось.

И, наконец, *scarlóit*, являющееся поздним заимствованием из французского *ecarlote* (ср. валл. *ysgarlat*) употребляется, как правило, для обозначения цвета дорогой одежды или ткани, атласа или шелка:

sroll ocus scarloit do mac righ Erind

"шелк и багрец для сына короля Ирландии"

В современном ирландском это слово утратило свою функцию цветообозначения и стало употребляться по отношению к парадной, торжественной одежде или ткани как таковой (ср. *scaráit* 'скатерть для торжественного обеда', *scoraidheacht* – 'праздник, юбилей').

В более поздний период к указанным лексемам добавляются прилагательные, также обозначающие те или иные оттенки красного тона, отчасти являющиеся английскими заимствованиями (*ruibineach*), отчасти представляющие собой новообразования на базе ирландских же основ (*craorag*, *caordhearg* и др.).

Говоря о существующих на разных этапах развития ирландского языка словах, обозначающих оттенки красного тона, мы намеренно не касались их конкретных значений и не пытались назвать ту или иную лексему, которая в определенный период могла бы считаться "базовой". Сделано это нами было намеренно, поскольку определение точного значения того или иного ИЦ, т.е. подыскивание для него соответствующего русского эквивалента, оказывается затрудненным тем, что сама система данных "эквивалентов" является чрезвычайно шаткой и несовершенной и не имеет единообразия как в диахронии, так и на уровне идеолектов. Так, проведенный нами простой эксперимент, в ходе которого информантам была предложена группа из девяти цветообразцов красно-оранжево-желтой гаммы и список из 23-х соответст-

аующих ИЦ, показал, что при соотнесении конкретного цветообраза с конкретными ИЦ у информантов почти не наблюдалось единообразия, максимальное число совпадений (при семи опрошенных) оказалось лишь 2, причем в двух случаях информантам потребовалось введение дополнительных собственных ИЦ (*томатный* и *бледно-свекольный*). Расширение поля подобного эксперимента за счет увеличения числа цветообразов, цветообозначений и количества участников дало бы, мы уверены, еще большее число расхождений.

Обращаясь к данным ирландского языка, мы оказываемся в еще более сложной ситуации, т.к. одним из источников нашей информации о "конкретных значениях" того или иного ИЦ являются ирландско-английские словари, т.е. на одну условно-сегментированную систему накладывается другая, в той же степени условная и несовершенная. Проиллюстрируем сказанное на конкретном примере: Прилагательное *craorag* имеет в словаре отца Диннина [16] значение '*purple, scarlet*', т.е. 'пурпурный, багровый, фиолетовый' и 'алый' (если полагаться на современные англо-русские словари). В словаре же О'Доннала [17] это же слово получает эквивалент '*blood-red, crimson*', т.е. 'крово-красный, темно-красный, малиновый'. В то же время в англо-ирландском словаре Де Валдрахе [18] эта же лексема выступает в качестве эквивалента к английскому *ruby* ('рубиновый?') в устойчивом словосочетании *ruby lips* (*liopaí craoraga*) ср. русск. *алые губы*.

Как можно предположить, существенные затруднения, с которыми мы сталкиваемся при попытке определить точное значение ирландского ИЦ, вызвано не только несовершенством языковых систем, которыми мы вынуждены при этом оперировать, но и неоднозначностью самих исходных лексем, ярко проявляющиеся в их конкретных употреблениях. Так, например, прилагательное *gáa* может характеризовать: масть лошади, цвет волос, разновидность хлеба, медные монеты, кровь, цвет плаща, лисий мех и др. Естественно, что в каждом конкретном случае оно предполагает разные "физические" цвета, аналогично тому, как английское *purple* может обозначать и цвет королевской мантии, и цвет лица покойника.

Тем не менее, несмотря на все перечисленные сложности, мы можем попытаться расположить указанные лексемы по линии спектра и очертить не столько круг значений каждого из них, сколько область функционирования. Исходным материалом для нас в данном случае должна послужить фразеология, данные глоссариев и, в первую очередь, тексты, в которых фигурируют интересующие нас лексемы. Хотя в той или иной степени цветообозначения встречаются практически во всех дошедших до нас памятниках, особый интерес для нас будут представлять тексты, в которых функционирование ИЦ может быть названо системным, т.е. является в отдельных случаях обязательным или в качестве эпитета, или – в качестве значимого сюжетобразующего элемента. Так, в текстах фольклорных цвета употребляются очень мало, причем эти редкие упоминания всегда определенным образом маркированы, т.к. являются знаком появления представителя Иного мира (о чем – ниже). Изображение героев же эпических текстов-саг, как правило, сопровождается детальным описанием их внешности, одежды и вооружения, причем цвета при этом играют очень большую роль, т.к. именно с их помощью происходит индивидуализация героя. Так, в саге "Похищение быка из Куальнге" в известной сцене "парада" удадских воинов перед коннахтским королем Айлилем проходят один за другим неизвестные ему улады, которых по очереди описывает посол Мак Рот. Стоящий же рядом с королем Фергус узнает каждого по этому описанию, а точнее – по цветам и оттенкам (волос, лица, глаз, плаща, щита и проч.), т.к. сам набор элементов описания является постоянным. Важны для нас с этой точки зрения и тексты законов. Отсутствие аналогичных "цветных картин" в фольклорных текстах может объясняться отсутствием у коллективного автора установки на индивидуализацию героя, классификация персонажей в данном случае ограничивается дихотомией "этот мир ~ иной мир", или "люди ~ сиды (феи)" и цветовой фактор играет здесь

далеко не последнюю роль. В том, что касается конкретных цветов, упоминаемых в фольклорных текстах, то это в первую очередь – белый, черный и красный (редко – желтый), что должно было бы, если буквально следовать теории Берлина и Кея, отодвинуть создателей этих текстов на IY стадию развития цветового зрения.

Для древне- и среднеирландского периода самым частотным по употреблению среди слов, обозначающих красные тона, является основа *ruad* и производные от нее. Сфера ее функционирования весьма широкая: для древнеирландского периода необходимо отметить в первую очередь область "явлений естественной природы" (цвет волос, масть лошади и пр.), несколько реже – "зону одежды". Так, в трактате "Книга прав" (X в.), повествующем о материальных правах и обязанностях ирландских королей по отношению к своим подданным, значительное место отводится перечислению плащей разного цвета (или тканей для них), которые короли провинций должны были получить от подданных. Набор цветов в данном случае довольно ограничен и в силу этого – необычайно значим. В интересующей нас группе ИЦ главное место занимают слова *derg* и *corcair*, однако, дважды встречается и прилагательное *ruu*:

corcair / ruu / snáth dearg [19, с. 110].

"пурпурная и алая и красная пряжа" (перевод ИЦ условен).

В эпических текстах прилагательное *ruad*, как правило, употребляется по отношению к волосам и бороде героев, но, признаться, реже, чем этого можно было бы ожидать, и реже, по сравнению с такими прилагательными, как *buide* 'желтый', *donn* 'коричневый' и *dub* 'черный, темный' и производными от них, образованными при помощи сложения основ (бело-желтый, коричнево-желтый и пр.). Основа *ruad* встречается в уже упоминаемой нами сцене парада уладских воинов лишь дважды, причем в сочетании с основой *-derg* применительно к волосам и глазам одного и того же персонажа:

Folt rúadderg fair. Súle rúadderga móra ina chind.

Ср. в англ.пер.: *Red hair he had and great red eyes in his head* [20, с. 124, 260].

Применительно к одежде и вооружению в эпических текстах прилагательное *ruad* практически не встречается.

В фольклорных текстах прилагательное *ruadh* (*rua*) встречается достаточно широко, но сфера его употребления оказывается довольно узкой: оно маркирует цвет волос inferнального существа: *Cé leis a rabh sé ag caint ach le cailín rua* [21, с. 178]. "С кем он говорил, как не с рыжей девушкой" или *an tseanbhean rua* [21] "маленькая рыжая старушка".

Однако, как следует из самих примеров и сюжетов проанализированных нами фольклорных текстов, повествующих о встречах людей с "сидами", цвет волос, характеризующийся этим прилагательным, для действующих в этих рассказах персонажей еще не является достаточным основанием для того, чтобы сразу отнести встреченное им лицо к "сидам": встретившись с подобным "рыжим" существом, человек предполагает, что перед ним обычные мужчина или женщина. Видимо, волосы данного оттенка встречаются в Ирландии и среди реальных людей, что отчасти может быть подтверждено и нашими непосредственными наблюдениями.

С другой стороны, прилагательное *ruad* может относиться и к цвету крови. В "Похищении быка из Куальнге" в знаменитой сцене предсказания исхода военного похода пророчица Федельм в ответ на вопрос королевы Медб, "каким ты видишь мое войско?", отвечает: *Atchú forderg forro, atchú rúad* [20, с. 6]. "Я вижу ярко-красное на нем, я вижу.....", имея в виду в обоих случаях цвет крови. В фольклорных текстах кровь, как правило, характеризуется прилагательным *dearg*:... *agus bhí an abhainn dearg lena gcuid fola ar maidin lá tharna mharach* [21, с. 70] "... и была река красна от их крови утром на следующий день".

В древнеирландских поэмах прилагательное *ruad* имеет не только собственно цветное значение. В поэтическом языке оно может иметь значение 'могучий' [22, с. 92], которое отчасти сохраняется и в более поздние периоды. В настоящее время сфера употребления этой основы значительно сужена. Она входит в состав таких устойчивых словосочетаний, как *madra rúa* 'лиса' (букв.: "рыжая собака"), *capall rúa* 'гнедая лошадь', *arán rúa* 'черный хлеб', *pinginn rúa* 'медная мелочь, мелкие монетки' и ряда других, но, согласно данным работы с информантами, в состав базовых ИЦ в настоящее время не входит.

Чем же объясняется столь широкое распространение этой основы в определенный период и, что для нас главное, какой именно диапазон оттенков красного тона она обозначала и обозначает теперь? Как отмечает В.П. Калыгин, «предпочтение, которое отдается в языке поэтам этому прилагательному перед другими словами со значением 'красный', видимо, имеет какую-то особую причину, а не только и не столько широту охвата оттенков спектра» [22, с. 92]. Этой "особой причиной", как нам кажется, может являться первичность этой основы по сравнению со всеми остальными для обозначения красных тонов еще на индоевропейском уровне. Как ясно видно из приведенных нами примеров, основа *ruad* может относиться к весьма широкому диапазону оттенков – от темно-красного до оранжевого, причем на более позднем этапе наблюдается заметное смещение семантики данной основы в сторону желтого участка спектра, и для современного языка, учитывая функциональное поле ее употребления, наиболее оптимальным русским эквивалентом послужило бы слово "рыжий". Исключение, естественно, составляют словосочетания типа *arán rúa* 'черный хлеб' и *Muire Rúa* 'Красное море'.

Но какой же именно оттенок красного тона передает прилагательное *ruad* в древне-ирландский период? Ответить на этот вопрос довольно сложно. Как пишет В.П. Калыгин, "значение *ruad* близко к лат. *rufus* 'рыжий, красноватый'" [22, с. 92]. Но при этом он тут же отмечает: "*Ruad* может относиться к засохшей крови (т.е. темно-красный? – Т.М.), тогда как цвет свежей крови передается прилагательным *flann*" [23, с. 92]. Данное замечание, хотя и основанное на данных словаря ирландского языка [22, с. 92, прим. 42], противоречит данным, содержащимся в этом же словаре в статье к слову *flann*, где приводятся примеры из глоссариев, определяющих *flann* именно как *ruad*: *flann .i. gach ruadh* [23]. Впрочем, забегая вперед, мы должны отметить, что в статье к слову *derg* можно встретить противоположные примеры, т.е. те, в которых *flann* глоссируется именно как *derg* [24]. Последний пример взят из более раннего Глоссария, тогда как предыдущий – из более позднего (Глоссарий О'Клери, XV в.), в котором, в свою очередь, через *derg* глоссируется уже не *flann*, а *basc*.

Неясность значения др-ирл. *ruad*, как нам кажется, уходит корнями в свое этимологическое прошлое. Действительно, мы не можем сейчас сказать с уверенностью, какой именно оттенок красного тона обозначался и-е. **reudh-*. С одной стороны, его рефлексы в индоевропейских языках могут обозначать светло-красные тона с оранжевым оттенком (ср. русск. *рыжий, русый, редрый* (о скоте), др-исл. *rauda* 'яичный желток' и др.); с другой стороны, эта же основа встречается и в обозначениях крови (др-исл. *roðra* 'кровь убитого животного', русск. диал. *руда* 'кровь' и пр.) и, наконец, она же встречается в названиях металлов, в первую очередь – меди (ср. лат. *raudus* 'кусочек меди', русск. *руда* и пр.). Вяч.Вс. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе именно это значение считают исходным [25, с. 816]. С нашей точки зрения говорить в данном случае об "исходном" значении индоевропейской основы и об особом оттенке красного тона, который с ней ассоциируется, неправомерно. Ведь, если следовать гипотезе Берлина и Кея, на самой ранней стадии своего существования она обозначала не только все оттенки красного, но и вообще все теплые хроматические цвета. Данный широкий хроматический спектр сохранился у нее и в др. ирландский период, лишь со временем сместившись в сторону оранжевого.

Прилагательное *derg* (*dearg*) представляется не менее, а в определенном смысле – даже более значимым для ирландской наивной картины мира цвета, чем *ruad*. Появившись позднее в этом значении, оно постепенно вытесняет *ruad* из многих лексических зон, с одной стороны, и в сторону желтого тона, с другой, меняя, а точнее – сужая сумму основных его значений. Подобно русскому *красный*, ирландское *dearg* в настоящее время, если судить по данным словарей и опросов информантов, прочно завоевало позицию базового ИЦ. В древне-ирландский период, как видно из дошедших до нас текстов, оно также имело достаточно широкое функциональное поле, охватывающее как природные явления, так и объекты материальной культуры (одежда, оружие и пр.). В "Книге прав" оно употребляется 12 раз при общем числе цветоупотреблений – 51. Так, прилагательное *derg* может характеризовать пламя, кровь, напитки (*lind derg* 'красный эль'), особые породы животных (*damh derg* 'красный бык', *tuisc derga* 'красные свиньи' и пр.). Последнее является, видимо, отчасти связанным с особой функцией *derg*, не совпадающей с *ruad*: прилагательное *derg*, особенно в сочетании с *bán* 'белый', является знаком Иного мира: ср. в этой связи распространенный мотив inferнального животного белой масти с красными ушами, красных всадников, знаменующих близкую смерть героя (см. "Разрушение Дома Да Дерга") и пр. Возвращаясь к примерам из фольклорных рассказов о чудесах, можно отметить, что мотив "красной одежды", наряду с мотивом "рыжих волос", также является постоянным для изображения фей:

Bhí senduine beag rúa agus éadach breacdearg air

"Это был маленький рыжий старичок в красной одежде" [21, с. 286].

Данная "мифологическая" функция красного цвета, как кажется, должна была бы быть реализована при помощи основы *ruad*, как исконной, однако, этого не происходит. Причины этого нам не совсем ясны. С одной стороны, в данном случае основа *derg* может отчасти сохранять свое исходное значение 'грязный, мерзкий' и 'темный, непрозрачный', т.е. в той или иной связи ассоциироваться с силами зла. С другой стороны, если учесть, что именно *derg*, как правило, обозначает цвет пламени, само прилагательное может, таким образом, ассоциироваться с погребальным огнем (распространенная у континентальных кельтов кремация отчасти практиковалась и на островах, лишь постепенно уступая место ингумации).

Какой же именно оттенок красного тона выражался прилагательным *derg*? Как и в предыдущем случае, ответить на этот вопрос оказывается далеко не просто. Видимо, обозначая пламя и кровь, *derg* предполагало красно-оранжевый цвет, лишь со временем расширив спектр своего значения. В древнеирландских текстах оно глоссируется латинскими *luteus* 'цвета охряной глины' и *rufus* 'рыжий' (!), т.е. во многих случаях выступает синонимом к столь же многозначному *ruad*. В отдельных словосочетаниях они могут прямо выступать как синонимы: ср. *ór dhearg* – *ór rúadh* 'червонное золото'.

Но если, как мы можем судить по конкретным употреблением, прилагательные *ruad* и *derg* тяготеют к оранжевой области красного участка спектра, его фиолетовая область остается лексически вакантной. Ее место оказывается занятым прилагательным *corcra*, заимствованным из лат. *purpureus*. Сфера функционирования этого прилагательного значительно уже, чем у двух предыдущих: оно, как правило, характеризует плащ короля (в сцене "парада" плащ такого цвета надет только на короля Конхобара), с другой стороны, употребляется по отношению к цвету щек или пальцев прекрасной женщины, причем в последнем случае они традиционно сравниваются с цветками наперстянки. Из сказанного вытекает и наш вывод о сумме значений прилагательного в древне-ирландский период: с одной стороны, оно может быть названо точным эквивалентом русского *пурпурный*, при всей сложной совокупности значения этого слова [ср. "одним из наиболее существенных компонентов семантической значимости слова *пурпурный* ... становится следующее его свойство: способность

сигнализировать о присутствии в определяемом им предмете (явлении) положительного качества (заданного доминирующими признаками "величественный", "красивый") в предельной степени его выражения" [26, с. 99]. С другой стороны, уже в древнеирландский период это же прилагательное получает значение 'розовый' во всей совокупности его оттенков (от ярко-розовой наперстянки до бледно-розовой кожи лица). Со временем прилагательное *corcra* утрачивает последнее значение (которое начинает выражаться при помощи сложения основ *bán-dhearg* "бело-красный" или при помощи английского заимствования *pink*) и приобретает значение 'фиолетовый', смещаясь, таким образом, в противоположную сторону по сравнению с *ruad* от "красного центра" (ср. англ. *purple*). В устойчивых словосочетаниях отчасти сохраняется его исходное значение – 'ярко-красный', 'багровый': *corcrán* (букв. "пурпурник") 'ягоды остролиста', *galar corcra* 'скарлатина', и 'ярко-розовый': *corcán coille* (букв. "пурпур леса") – 'снегирь'. В словарях, как правило, прилагательному *corcra* (*corcair*) даются английские эквиваленты широкого спектра – *purple, crimson, scarlet* (Диннин) и *purple, crimson, bloody* (О'Доннел).

Итак, как мы видим, три основных прилагательных, обозначающих красные тона в древне-ирландском, являются отчасти синонимами. Со временем, однако, происходит их спецификация и "растягивание" по линии спектра: *corcra* получает значение 'фиолетовый', *ruad* – 'рыжий, оранжевый', *derg* же занимает центральное место между ними. Учитывая наличие в ранний период синонимичных им прилагательных *flann* и *bas*, мы можем говорить о наличии своего рода "красного светофильтра", окрашивающего цветовую картину мира в красные тона. Фиолетовый и оранжевый при этом предстают как оттенки красного. Продолжение этого "фильтра" в одну сторону спектра дает нам значение 'оранжевый' и у древнеирландского *buide* (совр. ирл. 'желтый'), глоссирующегося как *flavius* 'пламенный', а не как *galbus*. В то же время, продолжая "фильтр" в другую сторону, мы встречаем значение 'фиолетовый' и даже 'красный' у др-ирл. *gorm* 'синий' (от и-е. **g^wher-* 'телый, горячий'), в современном языке также исчезающее.

Таким образом, как нам кажется, если в период раннего Средневековья ирландский язык и не достиг VII стадии цветового восприятия, по Берлину и Кею, т.е. не имел слов для обозначения понятий "оранжевый", "фиолетовый" и "розовый", в нем все равно содержалось не семь цветообозначений, которые можно было бы назвать "базовыми терминами", а больше (не только группа красного имела ряд синонимов, но и группа белого), что происходило за счет расширения, детализации и спецификации определенных участков спектра.

Ирландский язык – язык "красной культуры" и эта особенность наиболее ярко проявляется в нем именно в древний период, причем, видимо, не только из-за того, что именно этот цвет осознается и фиксируется в любом языке раньше других, а в силу определенных особенностей психо-физиологического зрительного восприятия мира основной массой его носителей. Безусловно, в этом ирландский язык не одинок. Особая значимость красных тонов характеризует языки так называемой "европейской последовательности" [27], отличая их от языков (и культур) азиатских и африканских (ср. "синий" у таджиков и финно-угров. [28]).

Берлин и Кей в свое время действительно "произвели небольшую революцию" [29, с. 277], они имели огромное число последователей, продолжателей и распространителей их теории, применивших ее с успехом к соматической и ботанической лексике (ср. так наз. "теорию Браун-Витковски" [30, 31, 32]). Однако, буквальное следование этим теориям всегда упиралось и будет упираться в конкретный материал. Так, в современных языках Западной Кении существует несколько слов для обозначения оттенков коричневого цвета, но при этом нет слов "серый" или "фиолетовый" [33]. Типологически сходная ситуация, как мы пытались показать, существовала и в средневековой Ирландии.

Как писал Л. Витгенштейн, "предметы сами по себе бесцветны" [34, 2.0232].

Несмотря на кажущуюся абсурдность этого замечания, это действительно так: только человеческий глаз способен воспринять тот особый импульс, который принято называть "цветовой волной". Без человека, без активного наблюдателя предмет не имеет цвета подобно тому, как в зеркале нет отражения, пока в него не заглянет человек. Именно поэтому такой фактор, как психология и коллективная психология, должен постоянно учитываться в анализе универсалий цветовосприятия. Сказанное относится и к самому понятию "базовый цветовой термин", который, безусловно, нуждается в дополнительной спецификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике, вып. 1, М., 1960.
2. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
3. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
4. Шемякин Ф.Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа // Мышление и речь. Труды ин-та психологии. М., 1960.
5. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994.
6. Аллмере Р.А., Василевич А.П. Психолингвистический подход к установлению двуязычных лексических соответствий // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.
7. Berlin B., Kay P. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkeley, 1969.
8. Тэрнер В.У. Проблемы цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала идембу) // Семантика и искусствометрия. М., 1972.
9. Lüscher M. The development of colour vision // The Lüscher colour test. London, 1969.
10. Kay P., McDaniel C.K. The linguistic significance of the meanings of Basic Colour Terms // Language, 1978. V. 54, 3.
11. Lazar-Meyn H.A. The colour systems of the modern Celtic languages: Effects of language contact // Language contact in the British Isles: Proc. of the 8-th international symposium on language contact in Europe, Douglas, Isle of Man, 1988 / Ed. by. Upeland P.S. and Broderick G. Tübingen, 1991.
12. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
13. Vendryes J. Lexique étymologique de l'irlandais ancien. R.-S., Paris, 1986.
14. Королев А.А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984.
15. Contributions to a dictionary of the Irish Language - B. Dublin, 1975.
16. An Irish-English Dictionary / Ed. by Dinneen P.S. Dublin, 1927.
17. O'Donail N. Foclóir Gaeilge-Béarla. Baile Atha Cliath, 1977.
18. De Bhaldraithe T. (ed.) English-Irish Dictionary. Baile Atha Cliath, 1959.
19. Lebor na gCert (The Book of Rights) / Ed. by Dillon M. Oxford, 1962.
20. Táin bó Cuailnge from the Book of Leinster / Ed. by O'Rahilly C. Dublin, 1970.
21. Síscéalta ó Thír Chonaill (Fairy legends from Donegal). Dublin, 1977.
22. Калыгин В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986.
23. Dictionary of the Irish language: F - fochraic. Dublin, 1950.
24. Contributions to a dictionary of the Irish language: degra - dodelbtha. Dublin, 1959.
25. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984.
26. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: На материале прилагательных цветообозначений русского языка. Л., 1986.
27. Василевич А.П. Психологическая значимость слов - цветообозначений в разных языках // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.
28. Белов А.И. Цветовые этноэидемы как аспект этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика. М., 1988.
29. Dimmendaal G.J. Some observations on the evolutionary concepts in current linguistics // Studies in language origins, V. 2 / Ed. by Raffler-Engel W. von, Wind J. and Jonker A. Amsterdam-Philadelphia, 1991.
30. Witkowski S.R., Brown C.H. An explanation of colour nomenclature universals // "American anthropologist", 1977, V. 79.
31. Witkowski S.R., Brown C.H. Lexical encoding sequences and language change: colour terminology systems // "American anthropologist", 1981, V. 83.
32. Brown C.H., Witkowski S.R. Polysemy, lexical change and cultural importance // "Man", 1983, V. 18 (1).
33. Rottland F. Die Südnilotischen Sprachen: Beschreibung, Vergleichung und Rekonstruktion // Kölner Beiträge zur Afrikanistik, 1982, Bd. 7.
34. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. London, 1922.